

Персона

Краеведение как образ жизни

Судьба Ирины Андреевой полна неожиданных поворотов, которые привели её к возможности заниматься любимым делом

Продолжение. Начало в № 101.

Известный краевед Ирина Андреева считает, что кладбища – хранители истории города, раскрывшие, кстати говоря, далеко не все свои секреты.

Вот, к примеру, могила 30-х годов на Новосеверном кладбище Магнитогорска: памятник некой Екатерине Филимоновой, о которой не смогли найти в архивах ничего. Зато надгробная плита добротная, с тремя серпами и молотами – таких больше нет, буквы аккуратно выложены маленькими камушками, вдавленными в бетон. Занятие почти ювелирное – и сразу понятно, что хорошим человеком была Екатерина, раз с такой любовью делали ей последний приют. А бывает наоборот: человек для города легендарный – а могила в плачевном состоянии. Таких наблюдений краевед Ирина Андреева набрала за годы тысячи. Уже известная горожанам благодаря программе «Дата», делать которую её пригласил на «ТВ-ИН» тогдашний директор телекомпании Валерий Намятов, вооружённая новыми знаниями, Ирина Владимировна обратилась к директору комбината похоронно-ритуальных услуг Евгению Могилевцеву с предложением систематизировать собранные материалы в книгу. Тогда Евгений Анатольевич идею не поддержал. Но через два года позвонил сам, ибо начал собственный глобальный проект – инвентаризацию пяти магнитогорских кладбищ и создание их электронного паспорта.

– Он вообще уникальный человек: мальчик из 90-х, прошёл большой путь, много знает, постоянно учится и мечтает сохранить память обо всех ушедших от нас, – начинаем разговор с Ириной Андреевой. – Почему о кладбищах Москвы, Петербурга и других городов написаны десятки книг, а в Магнитогорске нет не то что книги, даже статьи в газетах – редкость? Почему столичные кладбища ухожены, а в Магнитогорске могилы многих знаменитых горожан в запустевшем состоянии? Для того чтобы сделать кладбища цивилизованными, ухоженными, Могилевцев со своей командой провёл титанический труд по оцифровке каждого захоронения, которое выложено на созданном сайте – из любой точки планеты люди могут зайти на него и найти могилу близкого человека. Сайт играет колоссальную роль в том, что люди начали заботиться о своих участках: неудобно, когда сосед на сайте увидел, что могила твоего родственника заброшена. Мечта Евгения – сделать сайт всех кладбищ России. Эту мысль много раз проговаривали, но пока только на словах. Могилевцев же уже начал работу – специалистов КИПРУ пригласил к себе инвентаризовать местные кладбища мэра Нижнего Тагила Сергей Носов. Сайт очень помог и мне в работе над книгой «Жизнь магнитогорских кладбищ» – получилось более пятисот страниц и почти девятьсот фамилий – надеюсь, в этом году книга увидит свет.

– **Целевые главы книги уже печатал «Магнитогорский металл»...**

– И я поразила интерес читателей: звонили, спрашивали, где можно купить книгу. В ней 20 глав, самая большая – «Спасибо, друг, что посетил последний мой при-

ют»: о тех, чьими именами названы улицы, – известных металлургах, учителях, врачах, спортсменах... Не все похоронены в Магнитогорске – к примеру, героиня очерка «Её звали Стефания» упокоилась на одном из кладбищ Стокгольма. О Стефании Майтелес я узнала благодаря Эрне Радюкевич, жене директора ММК Леонида Радюкевича. Польская еврейка, Стефания бежала во время войны из Польши, захваченной фашистами, в Магнитогорск. Работала в 47-й школе, потом в пединституте, вышла замуж и с мужем вернулась в Польшу, тогда социалистическую, откуда эмигрировала в Швецию. Там жилось трудно – было желание вернуться, но Стефания вытянула счастливый билет – была приглашена на шведское радио, которое транслировалось и в СССР. Больше 20 лет вся страна слушала её интервью с Ростроповичем и Плисецкой, Галичем и Солженицыным. Сама Стефания похоронена в Швеции, но на Леобережном кладбище Магнитогорска лежит её отец, скончавшийся в 1949 году.

Интересна традиция устанавливать кенотафы – от греческого пустая, символическая могила. К примеру, Герой Советского Союза Иван Бибишев, именем которого в Магнитогорске названа улица и школа № 8, похоронен в Волгограде, а здесь кенотаф, к которому можно прийти, поклониться памяти. Есть глава «Невинно убиенные» – в том числе об Олесе Карповой, убийство которой произвело в городе небывалый резонанс. Или об учителе Людмиле Архангельской, бывшей замужем за сыном Павла Губчевского, строившего на ММК цех изложниц и бывшего некоторое время его начальником. Свекровь невзлюбила невестку, взвалив на неё всю домашнюю работу, а однажды Людмилу нашли мёртвой в подполе. Свекровь посадили, Людмилу похоронили. И некому было бы ухаживать за её могилой – но это делают ученики, помнящие Людмилу Архангельскую даже через полвека.

Есть глава о 19-летнем Петре Курманове, который работал на комбинате и играл на трубе – его памятник очень старый, но интересный: там и лира, и нотный стан, и надпись: «Другу Пете от оркестра ЦЭС». Рассказав об этом в одной из статей в «ММ», помню, посетовала: вряд ли теперь узнаем, кто был этот Петь, ибо нет сведений ни о нём, ни о его родных. И вдруг – звонок, словно из тридцатых годов: оказывается, в городе живёт его двоюродная сестра, которая долго искала эту могилу и нашла только благодаря моим исследованиям. Мы встретились, она рассказала, что мама Пети, уже состарившись, переехала жить к дочери в Ленинград, где и нашла упокоение. А она, найдя могилу брата, теперь будет следить за ней. Вообще, книга, несмотря на мрачность темы, не производит тягостного впечатления. Напротив, в ней даже есть место юмору – я собрала все известные анекдоты о кладбищах.

– **Когда погружались в историю кладбищ, их нынешнее состояние, что-то поняли про нас, магнитогорцев, особенное?**

– Мы неплохие люди, многие хранят память об ушедших родственниках, вы ведь видите, что творится на кладбищах в Радоницу и другие памятные дни? Не думаю, что сильно отличается от жителей других городов, но всё-таки есть у нас пиетет перед металлургами,

представленными на кладбище весьма достойно. Жаль, мало красивых могил. Понятно, что на том же Новодевичьем кладбище работают скульпторы с мировым именем – и там памятники не только красивы, но и имеют глубокий смысл. Есть такие примеры и у нас, но их немного. Например, на могиле сына одного из руководителей крупного банка установлена красивая арка как символ перехода в иной мир, фотография сына на граните в полный рост и большая открытая книга, на одной странице которой даты жизни, на другой трогательная фраза: «Жизнь – это удивительная книга, которую мне не удалось прочитать до конца». Памятник на могиле родителей Леонида Радюкевича тоже оформлен в виде книги, на некоторых могилах встречаются бюсты или красивые оградки – но это редкость, конечно.

– **Услышав мой отрицательный ответ на вопрос: вы бываете на кладбищах города? – вы, как мне показалось, огорчились. Для вас это элемент внутренней культуры человека?**

– Конечно, это элемент культуры народов. Недаром в столицах принято посещать кладбища, на крупных даже работают экскурсии.

– **И я в Александро-Невской лавре в Петербурге поклонилась праху Чайковского, Римского-Корсакова, Ломоносова... На Ваганьковском кладбище посетила могилы Абдулова, Окуджавы, Высоцкого, на Новодевичьем – Никулина и десятки других. И да, там памятники – произведение искусства. Здесь же у людей только родственники, к ним они и приходят.**

– И у нас похоронены люди, внёсшие колоссальный вклад в развитие Магнитки. Вячеслав Пиксаев открыл малую планету и назвал её Магниткой – почему не поклониться его праху или праху директоров ММК? Когда писала книгу о здравоохранении города, узнала, что могила первого главного врача роддома № 1 Иосифа Гринкевича находится в убогом состоянии. Встретилась с нынешним главврачом Сергеем Богдановым, человеком, трепетно относящимся к истории, – коллектив учреждения привёл могилу в порядок и следит за ней по сей день. А сколько их, заброшенных! Софья Константиновская, о которой пишут в каждой книге, была основательницей библиотеки ММК – могила заброшена. Анна Видковская основала службу психиатрии и 25 лет возглавляла её – вы бы видели её могилу. А какие роскошные актёры играли в нашем театре! Фёдор Изюмов, не уступавший комедийным даром тому же Никулину, заслуженный артист страны Дмитрий Козловский, которому установили красивейший памятник, но он безбожно зарос. Заслуженный художник России Владимир Кузьмин, при котором театр гремел, в том числе благодаря

его декорациям. Театр гордится их именами – а могилы заброшены. Благодаря Фёдору Абрамцеву, долгие годы возглавлявшему магнитогорскую филармонию, в городе побывали театральные и эстрадные звёзды первой величины – почему бы сейчас концертному объединению не позаботиться о его могиле? Или наш прославленный металлург Грязнов, похороненный, разумеется, не здесь. Но на Правобережном кладбище упокоена его жена, сделавшая очень много для сохранения памяти о муже. Она была связана со школой № 63 имени Грязнова, в которой есть музей Грязнова, какое-то время её навещали ребята, а сейчас её могила заброшена. Почему бы школьникам не взять шефство над ней? Это приучит их потом приходить к родственникам, ухаживать за ними. Надо с молодых ногтей приучать к этому.

– **А я, напротив, не хочу привязывать потомков к своим костям. Крематорий, прах по ветру – и я всегда с ними, где бы они ни были.**

– Имеете право. Но мне хочется иметь последний приют, чтобы к нему приходили потомки.

– **Путешествуя по Средней Азии, видела древние могилы, настоящие дворцы – чтобы вместо родственников, тогда ещё кочевников, не имеющих возможности приходить сюда, останавливались случайные путники. Отдохнуть в прохладном помещении, перекусить, отдать дань памяти, помолиться.**

– Современные мусульмане относятся к могилам предков так же свято, как и православные. Только, у них не принято устанавливать на памятнике фото, хотя в Магнитогорске многие мусульманские могилы с портретами.

– **Вы боитесь смерти?**

– Не знаю тех, кто её не бо-

ятся. Но есть люди, которые со смирением ждут её. У меня такого смирения нет. Помню, моя мама – большая жизнелюбка, яростно сопротивлялась даже мысли о смерти. В этом я похожа на неё. Возвращаясь к теме отношения к могилам, хороший пример в этом должна показать церковь, и возврат к традиции делать кладбища церковными, думаю, ситуацию улучшит. Пока же у нас заброшенных могил наберётся по территории на два Правобережных кладбища. КИПРУ второй год выдаёт удостоверения на захоронения родственников, близких. Это ни в коем случае не приватизация – просто человек, получив документ, тем самым даёт понять, что участок не заброшен. Те, кто не получил документ, должны понимать, что могилы будут признаны заброшенными, что даст право проводить здесь новые захоронения.

– **Когда вы были счастливее: в роли музыканта или в нынешней ипостаси?**

– Конечно сейчас, хотя безумно благодарна тому периоду жизни, когда в неё навсегда вошла музыка. У меня всегда был интерес к кладбищам. Как говорит фотограф Анатолий Князев: метущаяся душа жаждет обрести покой. А на кладбищах всегда тихо, спокойно, отступает суета, проблемы, которые перед ликом вечности кажутся ничтожными. Ещё одна отправная точка – интерес к людям: кем они были, чем дороги современникам. Например, в Москве есть общество любителей кладбищ – они разыскивают могилы забытых людей, восстанавливают их, возвращая имена народу. Думаю, было бы хорошо, если такое общество появится и в Магнитогорске.

✍ Рита Давлетшина

Ирина Андреева